

HELL NEIGHBOR

ОТСУТСТВУЮЩИЕ ФРАГМЕНТЫ
КОШМАР НАЯВУ
ЗАБЫТЫЕ ТАЙНЫ
ДУРНАЯ КРОВЬ
РОКОВЫЕ ОШИБКИ

Продолжение следует...

ДУРНАЯ
КРОВЬ

КАРЛИ ЭНН УЭСТ

Иллюстрации Тима Хейтца

Москва
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
У99

Carly Anne West

HELLO NEIGHBOR #4: BAD BLOOD

© 2019 tinyBuild, LLC. All Rights Reserved.

© 2019 DYNAMIC PIXELS™

Russian edition published by Eksmo Publishing by arrangement with
Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY10012, USA.

Перевод с английского *Е. Моисеевой*

Уэст, Карли Энн.

У99 Дурная кровь / Карли Уэст ; иллюстрации Тима Хейгца ; [перевод с английского Е. А. Моисеевой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 256 с. : ил.— (Hello Neighbor. Привет, сосед).

ISBN 978-5-04-110743-7

Однажды дождливой ночью в Равен Брукс переехали новые соседи — семейство Питерсон. Мистер Питерсон с женой и детьми, Аароном и Мией. Ребята пошли в местную школу, завели друзей, Марицу и Энзо Эскопизо. Оказалось, мистер Питерсон — всемирно известный изобретатель, сконструировавший множество парков развлечений. И в Равен Брукс он приехал, чтобы участвовать в возведении нового парка развлечений «Золотое яблоко»! Аарон и Мия должны бы гордиться отцом, но почему же тогда они так скованно ведут себя рядом с ним, будто бояться? Почему они ничего не рассказывают о том, где жили раньше? И почему не знают ничего о том, что дом, в котором они теперь живут, много лет назад принадлежал их бабушке и дедушке — родителям мистера Питерсона!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-110743-7

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ПРОЛОГ

Ему не страшно, пока небо не становится лиловым.
— Пожалуйста, — просит он. — Я ничего не видел.

Но кажется, в лесу только деревья решают, что именно вы слышали или видели. Сегодня его слов никто не слышит.

— Обещаю, я никому не скажу.

Мгновение он медлит. А потом кто-то делает первый шаг.

Он бежит очень быстро, но они быстрее. Всякий раз, когда подошвы его ботинок ударяются о землю, у него за спиной хрустят листья — сигнал, что расстояние между ним и преследователями сокращается.

Вокруг его лодыжки обвивается побег ежевики, и он падает на землю, ударившись подбородком и прикусив кончик языка. Он вскрикивает, снова поднимается и бросается бежать, продираясь сквозь низкие кусты и цепкие побеги. Он выбирается из чащи на поляну. Но даже здесь не видно лунного света. Как будто небо поглотило его.

Они приближаются.

Он резко поворачивается, лихорадочно ища, куда бы спрятаться, и ныряет за стоящий поблизо-

сти бульдозер с массивным ковшом, по-прежнему погружённым в мягкую землю. Он заползает под ковш, прижимает колени к груди и старается задержать дыхание, пока ему не удастся как следует отдышаться.

Между рукоятью бульдозера и ковшом он видит кусочек неба, но ему не обязательно это видеть, потому что он уже знает, что сейчас случится.

Всё начинается с молнии — безмолвного предупреждения перед раскатом. Затем раздаётся гром, но только он не обычный — этот гром разрывает небо.

Из лиловых туч появляются вороны.

Они несутся стремительно, размахивая чёрными крыльями. Их крики пронзительно звенят в ночи, а острые клювы всегда нацелены в одну сторону.

Он закрывает голову руками, хотя его защищает бульдозер. Он просто хочет заглушить этот звук.

Когда вороны наконец исчезают, воцаряется мёртвая тишина, окутывающая весь лес, и именно тогда он снова слышит шаги.

Ближе. Они всё ближе.

Он опускает руки, чтобы понять, откуда доносятся шаги, но ему кажется, что они слышны со всех сторон поляны. Он вглядывается в темноту, но видит лишь причудливые очертания машин в тусклом свете лилового неба. Из его убежища каждый кран становится похожим на виселицу, а каждая поленница — на припавшее к земле чудовище. Даже цветные палатки, разбросанные по поляне, кажутся зловещими, их кричащие карнавальные цвета в темноте выглядят приглушёнными и чужими.

Он вглядывается в прогалины между деревьями. Наконец он видит, как из леса выходит первый.

Беги!

Он старается держаться на середине поляны, подальше от тёмных мест, но оказывается на самом виду. Его ноги бегут по мягкой земле, ботинки скользят на мокрых листьях и недавно вскопанной почве. Он взмахивает руками, пытаясь избавиться от жжения в груди и подавить хрип в горле. Он знает, что его преследует, но не осмеливается обернуться.

Теперь, когда он их видел, они не дадут ему уйти.

Поляна тянется бесконечно, но когда он наконец добегает до её края, у него не остаётся иного выбора, кроме как снова нырнуть в тёмный зев леса. Он уже успел забыть, какие густые тут кусты.

* * *

Наконец ему удаётся выбраться из леса прямо к проволочной изгороди: башня, которую она охраняет, возвышается над ним, словно металлический великан. Повсюду на сетке развешаны знаки, запрещающие заходить на территорию, но если ему удастся найти путь внутрь, он рискнёт.

Он бежит вдоль изгороди, раздумывая, сколько понадобится времени, чтобы перелезть через неё.

Одна мысль о том, чтобы вернуться туда...

Но у него нет времени. За спиной слышатся ритмичные шаги, и он быстро сворачивает за угол, оказавшись у задней части здания.

Вдали раздаётся свист поезда, и ему ужасно хочется, чтобы поезд остановился, потому что он уже не слышит шагов.

Но через секунду он понимает, что это не поезд. Это они свистят друг другу.

— Пожалуйста, не надо!

Но его мольбы никто не услышит.

Он проводит руками по изгороди, стараясь нащупать вход. Петля колючей проволоки царапает кожу, и он отдёргивает руку, как от укуса: на траву падают капли крови.

Его голос дрожит.

— Где же дверь?

Она за третьим поворотом изгороди, невидимая под густой порослью. Он заставляет себя не думать о том, как его тащат в лес, и его пальцы царапают по земле.

Только не это.

— Ну же, ну! — шепчет он и начинает возиться с цепью, закрывающей вход.

Когда ему удаётся достаточно ослабить её и приоткрыть ворота, он пролезает внутрь, порвав рубашку. Он проскальзывает в дверь в тот самый момент, когда позади него раздаётся хруст веток.

Внутри холодно и дует ветер, и даже звук его дыхания эхом отдаётся в пустых комнатах. Он уже

знает, что за дверью нет замка. Ему надо обогнать преследователей, поэтому он ошупью пробирается вдоль стены.

— Они меня не видели, — пытается он успокоить себя, но сам в это не верит.

Стук поблизости говорит о том, что кто-то идёт вдоль изгороди.

Он вглядывается в темноту, но от ветра глаза начинают гореть, и он заставляет себя на дрожащих ногах идти дальше в тёмное здание.

Его щиколотка задевает о ножку стула, он спотыкается, и стул с грохотом опрокидывается на пол. Он тянется к лежащему на столе фонарю, и всё вокруг озаряется слабым светом.

Потом он бросается бежать, вытянув вперёд руки и пытаясь вспомнить, где можно спрятаться. Здесь было так много укромных уголков.

И тут его локоть ударяется о дверь.

— Вот оно, — выдыхает он и взволнованно повторяет: — Вот оно!

Он ошупывает противоположную стену и вспоминает своё убежище. Стена с усилием подаётся, и под ним тут же проваливается пол.

Он падает дольше обычного, и на мгновение у него темнеет в глазах. Когда он пытается встать, его лодыжку пронзает острая боль, и он невольно вскрикивает.

Его голос эхом отдаётся от стен, и он смотрит на отверстие в полу наверху. Он стоит совершенно неподвижно, как будто забыл, как двигаться.

Но наверху никого нет, и он медленно восстанавливает дыхание. Стараясь не слишком сильно наступать на ногу при ходьбе, он, хромя, описывает

полукруг, готовясь выйти наружу. Теперь он в безопасности.

Он поворачивается.

— Н-н-нет! — запинаясь, бормочет он, пытаясь отпрянуть назад, но его лодыжка подгибается, и он падает на колени, словно готовясь умолять их.

— Я ничего не видел, клянусь! Я никому не скажу! — говорит он, но куда подевался его голос? Это всего лишь шёпот.

Они меня отпустят. Они увидят, что я говорю правду, и отпустят меня.

Но он уже знает, что это не так.

— Прошу вас, — повторяет он в последний раз, и из его горла вырывается дикий вопль.

А потом темнота поглощает его.

ГЛАВА 1

ШЕСТЬЮ МЕСЯЦАМИ РАНЕЕ

Я должен радоваться, потому что у меня наконец-то появится собственная комната. В Германии — да и в других странах — мы с Мией должны были жить в одной комнате. Но в этом доме полно места, по крайней мере, мама уже раз сто так сказала.

В первый раз она сказала это, когда мы складывали чемоданы и заполняли картонные коробки вещами в нашей квартире, торопливо заклеивая крышки скотчем и подписывая их жирным чёрным маркером. Она повторила это, когда мы заняли места в самолёте, держа на коленях рюкзаки; мы с сестрой тогда чуть не лопались от множества вопросов. Она говорила это на каждой остановке для отдыха и в каждом мотеле в трёх штатах, пока мы не добрались до Равен Брукс, до переулка под названием Дружелюбный и до большого ветхого голубого дома, где вырос папа и который теперь принадлежал нам, потому что бабушка и дедушка умерли.

— Возможно, там даже найдётся место для игровой комнаты! — мечтательно произнесла мама, когда

мы въехали на подъездную дорожку перед домом. Вообще-то мы с Мией уже большие для игр. У Мии всё ещё есть игрушки, но я предпочитаю рисовать.

Наверное, мама так много болтает о том, что нам предстоит увидеть в новом доме, потому что папа на протяжении всего путешествия то и дело погружается в молчание. Он то был переполнен своим обычным энтузиазмом и вёл себя как большой ребёнок, а в следующую минуту как будто исчезал в каком-то недоступном нам месте. Наверное, он уходил туда, где мог найти все ответы на вопросы о том, что мы оставили в Германии и что из нашего прошлого последовало за нами сюда.

Когда мы подъезжаем к дому вслед за грузовиком, я замечаю, что кое-кто из соседей высовывает голову за дверь и снова исчезает внутри, словно сурки. К тому времени как мы опускаем борт грузовика, на крыльце почти каждого окрестного дома кто-то стоит, придерживая на груди халат и сжимая под мышкой газету. Но никто не подходит к нам, чтобы поздороваться. Никто не поднимает руки в приветственном жесте.

— Это моя коробка! Моя! Мама, это моя коробка! — пищит Мия, когда единственный грузчик, который потребовался, чтобы перенести наши многочисленные вещи, начинает вытаскивать их из маленького грузовика. Он выглядит недовольным, как будто не может поверить, что это всё, что у нас есть, или же это я пытаюсь найти какое-то оправдание. Я понимаю, что мы ему мешаем, и дёргаю Мию за футболку.

— Мышка, пошли выбирать себе комнаты, — говорю я.

— Чур я первая! — вопит она, проталкивается мимо меня и несётся к дому.

— Ты не можешь говорить «чур я первая»! Ты ещё даже не знаешь, из чего нам выбирать, — отвечаю я и несусь вслед за ней.

— Я первая в комнату, которую захочешь ты! — кричит Мия через плечо и, обогнав меня, подбегает к входной двери.

— Стой, стой! — вскрикиваю я, опускаясь на корточки и осматривая лодыжку.

— Что? — Мия садится рядом со мной на корточки и внимательно смотрит на меня.

— Кажется, я... тебя обхитрил! — кричу я, отталкивая её и прорываясь к двери.

Она вскакивает на ноги, и не успеваю я переступить через порог, как Мия ставит мне подножку, и я падаю на пол.

Теперь, когда мы оказались внутри, нам кажется более важным найти свои комнаты.

Я осматриваю первую комнату, в которой мы оказываемся, и почти не существующую прихожую, поскольку сразу за дверью находится маленькая гостиная с потёртым зелёным диваном и подставкой для телевизора. Я почти ожидаю увидеть кого-нибудь на диване с китайской едой на складном подносе. По спине пробегают мурашки: мысль о том, что в доме ещё кто-то остался, меня не радует.

Я поворачиваюсь и вижу позади кухню с длинным столом посередине, встроенный в стену кухонный шкаф и коридор, отделённый от ведущей наверх лестницы. Я иду следом за Мией, которая пробирается к самому дальнему коридору, и вижу,

что там есть другая лестница, ведущая вниз. Не говоря ни слова, мы с Мией начинаем спускаться.

Первой комнатой внизу оказывается помещение для стирки белья, по крайней мере, для этого оно когда-то предназначалось. Стиральных машин больше нет, и только огромная розетка в стене указывает на место, где они должны стоять. Слева находятся пустые комнаты, а первая дверь справа никак не поддаётся, потому что её деревянную обшивку перекосило. Мы тянем изо всех сил, дверь наконец открывается, я на ощупь ищу выключатель, но вместо него нахожу стоящий в углу фонарик. Я включаю его и вижу, что это вовсе не комната, а коридор, ведущий дальше в самые глубины дома.

Я поворачиваюсь к Мии:

— Ты первая.

— Нет уж, иди ты.

Я делаю шаг в темноту. Помещение справа забито мебелью. Большую часть этой затхлой комнаты занимает огромный стол, но вдоль стен тянутся книжные полки, шкафчики со стеклянными дверцами, на полу стоят картины, а кроме того, ещё полдюжины загадочных предметов скрыты под белыми простынями, от которых комната кажется ещё более жуткой.

Я почти уверен, что мы попали не в тот дом. И только резная деревянная табличка на стене с именами Роджера А. и Адели Р. Питерсон убеждает меня в том, что этот дом действительно принадлежал дедушке и бабушке, которых я никогда не видел и о которых папа почти ничего не говорит.

— Может быть, они были шпионами, — предполагает Мия.

В эту игру мы начали играть, когда сели в самолёт в Америке: угадай, кем были бабушка с дедушкой. Мы выдвигали всевозможные предположения — от орнитологов до охотников за привидениями. Думаю, мы в конце концов решили, что, как только приедем в их дом, нам тут же станет понятно, кем они были на самом деле и почему о них нам никогда не рассказывали. Пока единственный ключ к тому, кем были папины родители, — фотография, висящая на стене над выключателем: мужчина с узким галстуком и в очках с толстой оправой и женщина с высоко зачёсанными волосами. Это наши бабушка с дедушкой. Мужчина обнимает женщину за плечи, совсем как наш папа обнимает маму или как обнимал её когда-то.

